

4. Apresyan R.G. Fenomen universalnosti v etike: formi konceptualizacii [The phenomenon of universality in ethics: forms of conceptualization] // Questions of philosophy. 2016. No. 8. – P. 79-88.

5. Prokofiev A.V. Universalnost kak svoistvo moralnikh yavleniy [Universality as a property of moral phenomena] // Questions of philosophy. 2018. No. 11. – P. 47-56.

6. Loginov E.V. Analiz diskussiy o principe universalizuemosti v moralnoy filosofii 1970-1980kh [Analysis of the discussion on the principle of universalizability in moral philosophy of the 1970s-1980s] // Philosophical Sciences. 2018. No. 10. – P. 65-80.

7. Hare R. M. The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1952. – 202 p.

8. Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972-1973. Vol. 73. № 1. – P. 1–18.

9. Hare R. M. Freedom and Reason, Oxford: Clarendon Press, 1963. – 228 p.

10. Singer M. Generalization in Ethics // Mind. 1955. Vol. 64. №. 255. – P. 361-375.

Для цитирования и библиографии: Дидикин А.Б. Моральные принципы и правовое поведение: анализ лингвистической концепции Ричарда Хэара // Право и государство. 2022. № 2(95). – С. 6-17. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_6

DOI 10.51634/2307-5201_2022_2_17

УДК 340.12

ГРНТИ 10.07.27

РИЧАРД ХЭАР ЯЗЫК МОРАЛИ

Глава 1. Повелительное наклонение Часть 4. Решения на основе принципа

4.1.

Есть два фактора, которые могут быть вовлечены в принятие любого решения что-то сделать. Из них первое, во всяком случае теоретически, может отсутствовать, второе – всегда в какой-то степени присутствует. Они соответствуют основным и второстепенным посылкам аристотелевского практического силлогизма. Главная посылка – это принцип поведения; второстепенная посылка – это более или менее полное утверждение о том, что мы на самом деле должны были бы делать, если бы мы воплотили ту или иную из доступных нам альтернатив. Таким образом, если я решаю не говорить что-то, потому что это ложь, я действую по принципу «Никогда (или никогда при определенных условиях) не говори того, что ложно», и я должен знать что то, о чем я думаю стоит ли говорить, ложно.

Давайте сначала рассмотрим второстепенную посылку, поскольку она представляет меньше трудностей. Мы явно не можем решить, что делать, если не знаем хотя бы что-то о том, что нам следовало бы делать, если бы мы сделали то или иное. Например, предположим, что я являюсь работодателем и задаюсь вопросом, стоит ли увольнять клерка, который обычно появляется в офисе после часа, в который он обещал появиться. Если я уволю его, я лишу его семью денег, на которые они жи-

---

© Р. Хэар, 2022

© А.Б. Дидикин, перевод на английский язык, 2022

вут, возможно, создам моей фирме репутацию, которая заставит клерков избегать ее, когда будут доступны другие рабочие места, и так далее; если я оставлю его, я заставлю других клерков выполнять работу, которую в противном случае выполнял бы этот клерк; и дела в офисе не будут решаться так быстро, как если бы все клерки были пунктуальны. Это были бы те соображения, которые я должен был бы принять во внимание при принятии своего решения. Они будут влиять на общую ситуацию альтернативных действий, увольнять его или не увольнять. Именно вследствие влияния определяет, что я должен делать; я решаю между двумя наборами последствий. Весь смысл решения в том, что оно привносит разницу в то, что происходит; и эта разница заключается в разнице между последствиями принятия решения в одну сторону и последствиями принятия решения в другую.

Иногда кажется, что исследователи в области этики подразумевают, что в определенных случаях аморально рассматривать последствия того или иного поступка. Говорят, что мы должны выполнять свой долг, каковы бы ни были последствия этого. Поскольку я использую слово «последствия», это не может быть сохранено. Я не претендую на «выгоду» (в плохом смысле) в противовес «долгу». Даже выполнение нашего долга – в той мере, в какой это что-то *делает*, – приводит к определенным изменениям в общей ситуации. Совершенно верно, что из изменений, которые можно внести в общую ситуацию, большинство людей согласятся с тем, что мы должны считать определенные виды изменений более актуальными, чем другие (чем то, что является целью моральных принципов, чтобы сказать нам). Я не думаю, что непосредственность или отдаленность последствий имеет какое-либо значение, хотя их определенность или неопределенность значение имеет. Причина, по которой считается аморальным не устранить несправедливость, последствия которой приведут к максимальному удовольствию, заключается не в том, что при таком выборе учитываются последствия, когда их не должно было быть; дело в том, что некоторым последствиям, а именно максимизации удовольствия, придается значение, которого они не должны иметь, ввиду предшествующего требования тех других последствий, которые заключались бы в исправлении несправедливости.

По причинам, которые станут очевидными, когда мы рассмотрим логику оценочных слов, наиболее важно в словесном изложении аргумента о том, что делать, не допускать оценочных слов во второстепенной посылке. Излагая факты по делу, мы должны быть настолько фактологическими, насколько это возможно. Те, кто разбирается в логике этих слов, и следовательно предупрежден о ее ловушках, могут в интересах краткости пренебречь этой предосторожностью; но для неопытных гораздо лучше сохранить выражения ценности там, где они должны быть, в основной посылке. Это предотвратит непреднамеренное допущение неоднозначного среднего термина, как в примере в конце п.3.3. Я не имею в виду, что при обсуждении фактов дела мы не должны допускать никаких слов, которые могли бы иметь оценочное значение; поскольку это было бы почти невозможно, учитывая то, как оценочное значение проникает в наш язык. Я только имею в виду, что мы должны быть уверены, что, поскольку мы используем слова в второстепенной посылке, существуют определенные тесты (сами по себе не включающие оценку) для установления его истинности или ложности. В последнем абзаце я использовал слово «удовольствие» в таком смысле, хотя оно не всегда так используется.

4.2.

Связь между этими двумя предпосылками, возможно, можно прояснить, рассмотрев искусственный пример. Давайте предположим, что человек обладает особым видом ясновидения, так что он может знать все о последствиях всех альтернативных действий, открытых для него. Но давайте предположим, что он до сих пор не сформировал для себя или не был обучен никаким принципам поведения. Выбирая между альтернативными вариантами действий, такой человек будет полностью и точно знать, что он решает. Мы должны спросить, в какой степени, если таковая имеется, такой человек был бы затруднен в принятии решения из-за отсутствия каких-либо сформированных принципов. Казалось бы, несомненно, что он мог выбирать между двумя путями; было бы даже странно называть такой выбор обязательно произвольным или необоснованным; ибо если человек точно знает до мельчайших деталей, что он делает и что он мог бы сделать в противном случае, его выбор не является произвольным в том смысле, в каком выбор был бы произвольным, если бы он был сделан путем подбрасывания монеты без какого-либо учета последствий. Но предположим, что мы спросим такого человека: «Почему вы выбрали этот набор последствий, а не тот? Какой из многих эффектов побудил вас принять такое решение?» Его ответ на этот вопрос может быть двоякого рода. Он может сказать: «Я не могу привести никаких причин; мне просто захотелось так поступить; в другой раз, столкнувшись с тем же выбором, я мог бы решить иначе». С другой стороны, он мог бы сказать: «Именно это и это заставило меня принять решение; я намеренно избегал таких-то и таких-то последствий и стремился к тому-то и тому-то». Если бы он дал первый из этих двух ответов, мы могли бы в определенном смысле этого слова назвать его решение произвольным (хотя даже в этом случае у него была *какая-то* причина для своего выбора, а именно то, что он так чувствовал); но если бы он дал второй, мы не должны называть его выбор произвольным.

Давайте посмотрим, что связано с этим вторым типом ответа. Хотя мы предположили, что у человека нет сформированных принципов, он показывает, если он дает второй ответ, что он начал формировать принципы для себя; ибо выбирать последствия, *потому что* они такие-то и такие-то, значит начинать действовать по принципу, что такие-то и такие-то последствия должны быть выбраны. В этом примере мы видим, что для того, чтобы действовать по принципу, в некотором смысле не обязательно уже иметь принцип, прежде чем действовать; возможно, решение действовать определенным образом из-за чего-то, связанного с последствиями таких действий, *состоит в том*, чтобы подписаться под принципом действия, хотя необязательно принимать его в каком-либо постоянном смысле.

Обычным людям не так повезло, как человеку в нашем искусственном примере. Они начинают, действительно, вообще без каких-либо знаний о будущем; и когда они приобретают знания, то они не такого интуитивного рода. Тот вид знания, которым мы обладаем о будущем – если только мы не ясновидящие, – основан на принципах предсказания, которым нас учат или которые мы формируем для себя. Принципы предсказания – это один из видов принципа действия, ибо предсказывать – значит действовать определенным образом. Таким образом, хотя логически ничто не мешает кому-то поступать совершенно без принципов и делать все свои выборы произвольным образом, как показано в первом типе ответа, на самом деле этого никогда не происходит. Более того, наши знания о будущем фрагментарны и единственно вероятны; и поэтому во многих случаях принципы, которым нас учат или которые мы формируем для себя, говорят не «Выбирайте такое последствие,

а не то», а «Вы не знаете наверняка, какими будут последствия; но сделайте это, а не то, и последствия, скорее всего, будут такими, какие вы бы выбрали, если бы знали их». В этой связи важно помнить, что «вероятный» (likely) и «возможный» (probable) являются оценочными словами; во многих контекстах «Вероятно (или возможно), что Р» соответственно перерабатывается в «Есть *веские* основания (или доказательства) для того, чтобы считать, что Р».

4.3.

До сих пор мы можем выделить две причины, почему у нас есть принципы. Первая причина применима к любому человеку, даже к человеку с полным пониманием будущего, который решает выбрать что-то, потому что это имеет определенный характер. Вторая причина применима к нам, потому что на самом деле мы не обладаем полным знанием будущего, и потому что такое знание, которым мы обладаем, включает принципы. К этим причинам теперь необходимо добавить третью. Без принципов большинство видов обучения невозможно, поскольку то, чему учат, в большинстве случаев является принципом. В частности, когда мы учимся что-то делать, то, чему мы учимся, всегда является принципом. Даже узнать или выучить какой-либо факт (например, названия пяти рек Пенджаба) – значит научиться отвечать на вопрос; это значит усвоить принцип «Когда тебя спрашивают: «Каковы названия пяти рек Пенджаба?», отвечай: «Джелум, Ченаб и т.д.»». «Под этим я, конечно, не подразумеваю, что научиться что-либо делать – значит научиться заучивать наизусть какое-то универсальное императивное предложение. Это вовлекло бы нас в порочный регресс; ибо обучение чтению – это своего рода обучение, и у него должны быть свои принципы; но в этом случае мы должны научиться декламировать принципы чтения. Суть скорее в том, что научиться делать что-либо – это никогда не значит научиться совершать отдельные действия; это всегда значит научиться совершать действия определенного рода в определенной ситуации; и это значит научиться принципу. Таким образом, обучаясь вождению, я учусь не переключать передачу сейчас, а переключать передачу, когда двигатель издает определенный шум. Если бы это было не так, обучение было бы вообще бесполезным; ибо если бы все, что мог сделать инструктор, это сказать нам переключить передачу *сейчас*, ему пришлось бы сидеть рядом с нами всю оставшуюся жизнь, чтобы каждый раз указывать нам, когда переключать передачу.

Таким образом, без принципов мы не могли бы ничему научиться у старших. Это означало бы, что каждое поколение должно было бы начинать с нуля и обучаться самостоятельно. Но даже если бы каждое поколение было способно обучать себя, оно не смогло бы этого сделать без принципов; ибо самообучение, как и всякое другое обучение, является обучением принципам. Это можно увидеть, обратившись к нашему искусственному примеру. Давайте предположим, что наш ясновидящий делал все свои выборы по какому-то принципу, но всегда забывал, как только он делал выбор, каким был принцип. Соответственно, каждый раз, когда он принимал решение, ему приходилось бы анализировать все последствия альтернативных действий. Это заняло бы так много времени, что у него не было бы свободного времени для принятия многих решений в течение своей жизни. Он проводил бы все свое время, решая такие вопросы, как, например, делать шаг правой или левой ногой, и никогда бы не достиг того, что мы должны были бы назвать более важными решениями. Но если бы он мог вспомнить принципы, по которым он действовал, он был бы в гораздо лучшем положении; он мог бы *научиться* дей-

ствовать в определенных обстоятельствах; он мог бы научиться быстро выделять соответствующие аспекты ситуации, включая последствия различных возможных действий, и поэтому выбирать быстро, а во многих случаях привычно. Таким образом, его силы на обдуманное решение будут освобождены для более важных решений. Когда столяр-краснодеревщик научится делать ласточкин хвост, не задумываясь об этом, у него будет время подумать о таких вещах, как пропорции и эстетический вид готового изделия. И то же самое происходит с нашим поведением в моральной сфере; когда выполнение меньших обязанностей вошло в привычку, у нас появляется время подумать о большем.

На практике существует ограничение на количество того, чему может научить кого-то кто-то другой. Помимо этого необходимо самообучение. Предел устанавливается разнообразием условий, с которыми можно столкнуться при выполнении всего, чему учат; и это разнообразие в некоторых случаях больше, чем в других. Сержант может научить новобранца почти всему, что нужно знать о закреплении штыков на параде, потому что один случай закрепления штыков на параде очень похож на другой; но инструктор по вождению не может сделать большего, чем начать обучать своего ученика искусству вождения, потому что условия, с которыми приходится сталкиваться при вождении, очень разнообразны. В большинстве случаев обучение не может состоять в том, чтобы заставить ученика безупречно выполнять фиксированное упражнение. Одна из вещей, которая должна быть включена в любые, кроме самых элементарных, виды обучения, – это возможность для учащегося самостоятельно принимать решения и при этом изучать и даже изменять в соответствии с конкретными типами случаев принципы, которым обучают. Принципы, которым нас учат изначально, носят предварительный характер (очень похожий на принцип «Никогда не говори то, что ложно», который я обсуждал в предыдущей главе). Наше обучение после начальных этапов состоит в том, чтобы принять эти принципы и сделать их менее условными; мы делаем это, постоянно используя их в наших собственных решениях, а иногда делая исключения из них; некоторые исключения сделаны потому, что наш инструктор указывает нам, что некоторые случаи являются примерами классов исключений из принципа; и некоторые из исключений мы решаем сами. Это представляет не больше трудностей, чем у нашего ясновидящего при выборе между двумя наборами последствий. Если мы узнаем из эксперимента, что следование определенному принципу будет иметь определенные последствия, в то время как изменение его определенным образом будет иметь определенные другие последствия, мы принимаем ту форму принципа, которая приводит к последствиям, которые мы выбираем.

Мы можем проиллюстрировать этот процесс изменения принципов на уже использованном примере обучения вождению. Мне говорят, например, всегда съезжать на обочину, когда я останавливаю машину; но позже мне говорят, что это не относится к тому, когда я останавливаюсь перед поворотом на боковую дорогу к обочине, потому что тогда я должен остановиться примерно на середине дороги, пока у меня не появится возможность повернуть. Еще позже я узнаю, что при этом маневре вообще нет необходимости останавливаться, если это неконтролируемый перекресток, и я вижу, что нет движения, которое я должен перекрыть поворотом. Когда я схватил на лету все эти изменения в правиле и аналогичные изменения во всех других правилах и привычно применяю их как измененные, тогда меня называют хорошим водителем, потому что моя машина всегда находится в нужном ме-

сте на дороге, движется с нужной скоростью и так далее. Хороший водитель – это помимо всего прочего тот, чьи действия настолько точно подчиняются принципам, которые вошли у него в привычку, что ему обычно не нужно просто думать, что делать. Однако дорожные условия чрезвычайно разнообразны, и поэтому неразумно позволять всему вождению становиться делом привычки. Никто никогда не может быть уверен в том, что его принципы вождения совершенны – на самом деле, можно быть совершенно уверенным, что это не так; и поэтому хороший водитель не только хорошо водит машину по привычке, но и постоянно следит за своими привычками вождения, чтобы понять, нельзя ли их улучшить; он никогда не прекращает учиться.

Вряд ли стоит указывать на то, что принципы вождения, как и другие принципы, обычно прививаются не путем их словесного повторения, а примером, демонстрацией и другими практическими средствами. Мы учимся водить не по правилам, а потому, что нам показывают, как выполнять определенные части вождения; правила обычно являются лишь объяснением или мнемоникой того, что нам показывают. После этого мы пытаемся сами выполнять определенные маневры, и нас критикуют за неудачи, хвалят, когда мы выполняем их хорошо, и так постепенно осваиваем различные принципы хорошего вождения. Хотя наше обучение далеко не является чисто словесным, тем не менее то, чему нас учат, – это принципы. Сам по себе факт о том, что выведение конкретных действий (или команд для их выполнения) из принципов обычно выполняется невербально, не означает, что это нелогичный процесс, так же как и сам вывод:

Часы только что пробили семь раз

Часы бьют семь раз только в семь часов

Это сразу после семи часов,

Представлено нелогично, потому что это никогда не выражается явным образом словами.

Водители часто точно знают, что делать в определенной ситуации, не имея возможности выразить словами принцип, по которому они действуют. Это очень распространенное положение дел со всевозможными принципами. Охотники точно знают, где ставить свои ловушки, но часто не могут объяснить, почему они поставили ловушку в определенном месте. Мы все знаем, как использовать слова, чтобы передать наш смысл; но если логик требует от нас точного определения слова, которое мы использовали, или точных правил его использования, то мы часто теряемся. Это не означает, что установка ловушек, использование слов или вождение автомобилей не происходит в соответствии с принципами. Можно знать как, не имея возможности сказать как – хотя, если навыку нужно обучаться, легче, если мы *можем* сказать как.

Мы не должны думать, что, если мы можем выбирать между одним курсом и другим без дальнейших размышлений (нам кажется очевидным, что мы должны делать), то это обязательно подразумевает, что у нас есть какая-то таинственная интуитивная способность, которая говорит нам, что делать. Водитель не знает, когда переключать передачу интуитивно; он знает это, потому что он научился, а не забыл; то, что он знает, – это принцип, хотя он не может сформулировать принцип словами. То же самое относится и к моральным решениям, которые иногда называют «интуитивными». У нас есть моральная «интуиция», потому что мы научились вести себя, и у нас разные «интуиции» в зависимости от того, как мы научились себя вести.

Было бы ошибкой сказать, что все, что нужно было сделать с человеком, чтобы сделать из него хорошего водителя, – это рассказать ему или иным образом

привить ему множество общих принципов. Это означало бы исключить фактор принятия решения. Очень скоро после того, как он начнет учиться, он столкнется с ситуациями, для решения которых временные принципы, которым он до сих пор учился, потребуют модификации; и тогда ему придется решить, что делать. Он очень скоро обнаружит, какие решения были правильными, а какие неправильными, отчасти потому, что его инструктор говорит ему, а отчасти потому, что увидев последствия решений, он решает в будущем не вызывать таких последствий. Мы ни в коем случае не должны совершать ошибку, полагая, что решения и принципы занимают две отдельные сферы и ни в коем случае не пересекаются. Все решения, за исключением тех, если таковые имеются, которые являются полностью произвольными, в какой-то степени являются принципиальными решениями. Мы всегда создаем прецеденты для самих себя. Это не тот случай, когда принцип сводит все к определенной точке и принимает решение, касающееся всего, что находится ниже этой точки. Скорее решения и принципы взаимодействуют во всей области. Предположим, что у нас есть принцип действовать определенным образом в определенных обстоятельствах. Предположим тогда, что мы оказываемся в обстоятельствах, которые подпадают под действие принципа, но которые имеют некоторые другие особенности, не встречавшиеся ранее, которые заставляют нас спросить: «Действительно ли принцип предназначен для охвата подобных случаев или он не полностью определен – есть ли здесь случай, относящийся к классу, который следует рассматривать как исключительный?» Наш ответ на этот вопрос будет решением, но решением на основе принципа, как показывает использование оценочного слова «должен». Если мы решим, что это должно быть исключением, мы тем самым изменим принцип, установив исключение из него.

Предположим, например, что при обучении вождению меня учили всегда подавать сигнал, прежде чем я замедлюсь или остановлюсь, но еще не научили, что делать при экстренной остановке; если ребенок прыгает перед моей машиной, я не сигналю, а держу обе руки на руле; и после этого я принимаю первый принцип с этим исключением, что в экстренных случаях лучше управлять, чем сигналить. Я даже под влиянием момента принял принципиальное решение. Чтобы понять, что происходит в подобных случаях, нужно многое понять о вынесении оценочных суждений.

4.4.

Я не хочу показаться слишком настойчивым в своем сравнении между принципами вождения и принципами поведения в отношении того, как они усваиваются. Необходимо также иметь в виду некоторые различия. Во-первых, выражение «хороший водитель» само по себе неоднозначно, поскольку не сразу ясно, какой стандарт применяется. Это может быть просто эталон мастерства; мы могли бы назвать человека хорошим водителем, если бы он мог делать со своей машиной именно то, что хотел; мы могли бы сказать: «Хотя он очень хороший водитель, он крайне невнимателен к другим участникам дорожного движения». С другой стороны, мы иногда ожидаем, что хороший водитель также должен обладать моральными качествами; согласно этому критерию, мы не называем человека хорошим водителем, если он водит умело, но без малейшего внимания к удобству или безопасности других людей. Грань между этими двумя стандартами хорошего вождения нелегко провести на практике. Существует также третий стандарт, согласно которому водитель считается хорошим, если он соответствует принятым принципам хорошего вождения, изложенным, например, в *Кодексе дорожного*

движения. Поскольку *Кодекс дорожного движения* составлен с определенной целью, этот стандарт в значительной степени совпадает со вторым.

Во-вторых, есть два способа взглянуть на обучение вождению:

(1) Мы устанавливаем в начале определенные цели, например, предотвращение столкновений, и обучение состоит в обучении тому, какие методы способствуют достижению этих целей. Согласно такому взгляду на них, принципы хорошего вождения являются гипотетическими императивами.

(2) Сначала мы учим простым эмпирическим правилам, и ученик только постепенно приходит к пониманию того, каковы цели, на которые направлено обучение.

Не следует думать, что либо (1), либо (2) само по себе дает полный отчет о нашей процедуре. Какой метод мы используем, в значительной степени зависит от зрелости и интеллекта ученика. Обучая простых солдат вождению, мы могли бы больше склоняться ко второму методу; если бы мне пришлось учить моего двухлетнего сына водить машину, мне пришлось бы применить те же методы, которые я сейчас применяю для обучения его воздерживаться от вмешательства в управление, когда я сам за рулем. С другой стороны, с высокоинтеллектуальным учеником мы можем принять метод, в котором больше (1), чем (2).

Однако не следует думать, что метод (2) никогда полностью не имеет места даже в случае самых рациональных учащихся. Возможно, что желательность избежать столкновений сразу же понятна и принята даже сравнительно глупыми учениками; но есть гораздо больше целей, чем эта, к которой должен стремиться хороший водитель. Он должен избегать причинения многих видов предотвратимых неудобств как себе, так и другим; он должен научиться не делать вещей, которые приводят к повреждению его транспортного средства, и так далее. Бесплезно устанавливать в начале общую цель, «предотвращение предотвратимых неудобств»; ибо «неудобство» – это ценное слово, и до тех пор, пока у него не будет опыта вождения, ученик не будет знать, какие ситуации следует считать предотвратимыми неудобствами. Общая цель или принцип бессмысленны до тех пор, пока с помощью наших подробных инструкций мы не придадим им содержание. Поэтому всегда необходимо начинать в какой-то степени с того, чтобы научить нашего ученика, что делать, и предоставить ему позже выяснить *почему*. Поэтому мы можем сказать, что, хотя моральные принципы, которым нас обычно учат, когда мы еще незрелы, преподаются в основном методом (2), а принципы вождения преимущественно методом (1), в этом отношении нет абсолютного разделения между двумя видами принципов. То, что я только что сказал о первом изучении того, что нужно делать, и о первоначальной пустоте общей цели, заимствовано у Аристотеля. Единственное фундаментальное различие между принципами вождения и принципами поведения состоит в том, что последние, по выражению Аристотеля, являются «архитектоникой» первых; ибо цели хорошего вождения (безопасность, избежание неудобств для других, сохранение имущества и т.д.) в конечном счете оправдываются обращением к моральным соображениям, если требуется обоснование.

Однако было бы глупо говорить, что существует только один способ овладеть навыком или любым другим сводом принципов или обосновать конкретное решение, принятое на практике. Есть много способов, и я постарался сделать вышеприведенный обзор достаточно общим, чтобы охватить их все. Авторы, пишущие о морали, иногда говорят, что мы должны оправдывать поступок, ссылаясь на его

последствия, и что мы говорим, какие последствия следует искать, а каких избегать, ссылаясь на какой-то принцип. Такая теория принадлежит утилитаристам, которые предлагают нам взглянуть на последствия и изучить их в свете принципа полезности, чтобы увидеть, какие последствия максимизируют удовольствие. Иногда, с другой стороны, говорят (как г-н Тулмин), что действие оправдывается непосредственно ссылкой на принципы, которые оно соблюдает, а эти принципы, в свою очередь, ссылаются на последствия их постоянного соблюдения. Иногда говорят, что мы должны соблюдать принципы и игнорировать последствия – хотя по причинам, указанным выше, «последствия» не могут здесь подразумеваться в том смысле, в котором я его использовал. Что не так с этими теориями, так это не то, что они говорят, а их предположение, что они говорят нам единственный способ обосновать действия или решить, какие действия следует предпринять. Мы действительно обосновываем и принимаем решения о действиях всеми этими способами; например иногда, если нас спрашивают, почему мы сделали А, мы говорим: «Потому что это был случай, подпадающий под принцип Р», и если нас в свою очередь просят обосновать Р, мы в свою очередь рассматриваем последствия его соблюдения и несоблюдения. Но иногда, когда нам задают один и тот же вопрос: «Почему вы сделали А?», мы говорим: «Потому что, если бы я этого не сделал, произошло бы Е», и если бы нас спросили, что было не так в Е, то мы апеллируем к какому-то принципу.

Истина заключается в том, что если нас просят как можно полнее обосновать любое решение, то мы должны учитывать и последствия – наполнять решение содержанием – и принципы, и последствия в целом соблюдения этих принципов и так далее, пока мы не удовлетворим нашего исследователя. Таким образом, полное обоснование решения будет состоять из полного описания его последствий вместе с полным описанием принципов, которые соблюдались в рамках принятия решения, и последствий соблюдения этих принципов – ибо, конечно, именно последствия (в чем на самом деле состоит их соблюдение) также придают содержание принципам. Таким образом, если на нас давят, чтобы мы полностью обосновали решение, мы должны дать полное описание образа жизни, частью которого оно является. Это полное описание на практике невозможно дать; ближайшие попытки – это те, которые даны великими религиями, особенно те, которые могут указывать на исторических личностей, которые на практике вели такой образ жизни. Предположим, однако, что мы можем его дать. Если спрашивающий все еще продолжает спрашивать: «Но почему я должен так жить?», то ему больше нечего ответить, потому что мы уже гипотетически сказали все, что можно было бы включить в этот дальнейший ответ. Мы можем только попросить его принять собственное решение о том, как ему следует жить, ибо в конце концов все зависит от такого принципиального решения. Он должен решить, принять этот образ жизни или нет; если он примет его, тогда мы сможем продолжить оправдывать решения, основанные на нем; если он не примет его, то пусть примет какой-нибудь другой и попытается жить по нему. Тонкость находится в последнем предложении. Описывать такие окончательные решения как произвольные, потому что гипотетически все, что могло быть использовано для их обоснования, уже было включено в решение, было бы все равно, что сказать, что полное описание Вселенной было совершенно необоснованным, потому что в подтверждение этого нельзя было бы привести никаких дополнительных фактов. Это не то, как мы используем слова «произвольный» и «необоснованный». Отнюдь не будучи произвольным, такое ре-

шение было бы наиболее обоснованным из решений, поскольку оно основывалось бы на рассмотрении всего, на чем оно могло бы быть основано.

Можно заметить, как, говоря о принципиальных решениях, я неизбежно начал говорить на языке ценностей. Таким образом, мы решаем, что принцип следует изменить или что лучше управлять, чем сигнализировать. Это иллюстрирует очень тесную связь того, что я говорил в первой части этой книги, с проблемами второй части; ибо вынести ценностное суждение – значит принять принципиальное решение. Спросить, должен ли я делать А в этих обстоятельствах, – это (заимствуя кантовский язык с небольшой, хотя и важной модификацией) спросить, хочу ли я, чтобы выполнение А в таких обстоятельствах стало универсальным законом. Это может показаться далеким от Канта профессору Стивенсону; но тот же вопрос можно сформулировать другими словами, спросив: «Какую позицию я должен занять и рекомендовать в отношении действий в таких обстоятельствах?»; ибо «позиция», если это что-то значит, означает принцип действия. К сожалению, Стивенсон, в отличие от Канта, уделяет очень мало места рассмотрению этого вопроса от первого лица; если бы он уделил ему должное внимание и избежал опасностей слова «убедительный», он мог бы достичь позиции, мало чем отличающейся от позиции Канта.

4.5.

Как указывает Кант в важном отрывке об автономии воли, на который я ссылался ранее, мы должны принимать свои собственные принципиальные решения. Другие люди не смогут сделать их за нас, если мы сначала не решим последовать их совету или подчиниться их приказам. Здесь есть интересная аналогия с позицией ученого, который также вынужден полагаться на свои собственные наблюдения. Можно было бы сказать, что здесь есть разница между решениями и наблюдениями, в ущерб первому, в том что наблюдение, однажды сделанное, является общественной собственностью, тогда как решения должны приниматься самим агентом в каждом случае. Но эта разница только кажущаяся. Ученый не стал бы ученым, если бы не убедил себя в том, что наблюдения других ученых в целом надежны. Он сделал это, проведя некоторые собственные наблюдения. Когда мы изучали элементарную химию в школе, у нас было несколько теоретических занятий и несколько практических. В теоретические периоды мы изучали книги; в практические периоды мы проводили эксперименты, и если нам везло, обнаруживали, что результаты совпадали с тем, что говорилось в книгах. Это показало нам, что то, что говорилось в книгах, не было полной чепухой; так что даже если из-за игнорируемых нами тревожных факторов наши эксперименты оказались неправильными, мы были склонны доверять книгам и признавать, что совершили ошибку. Мы утвердились в этом предположении тем фактом, что часто позже обнаруживали, в чем заключалась ошибка. Если бы наши наблюдения, как бы тщательно мы их ни проводили, всегда расходились с учебниками, у нас не было бы соблазна сделать науку нашей профессией. Таким образом, уверенность ученого в наблюдениях других людей в конечном счете основана, среди прочего, на его собственных наблюдениях и его собственных суждениях о том, что является надежным. В конце концов ему приходится полагаться на самого себя.

Случай с моральным агентом не отличается от других. Когда в наши первые дни нам дают элементарные нравственные наставления, есть некоторые вещи, которые нам говорят, и некоторые вещи, которые мы делаем. Если бы, когда мы поступали так, как нам было сказано, общие последствия наших действий, когда они

происходили, всегда были такими, какие мы бы не выбрали, если бы знали, тогда нам следовало бы обратиться за лучшим советом или, если бы нам помешали это сделать, либо выработать собственное спасение, либо стать морально ущербными. Если нам в целом дают то, что мы впоследствии считаем хорошим советом, мы в целом решаем следовать советам и принимать принципы тех, кто давал нам этот хороший совет в прошлом. Это то, что происходит с любым хорошо воспитанным ребенком. Точно так же как ученый не пытается переписать все, что есть в учебниках, а принимает это как должное и придерживается своих собственных конкретных исследований, так и этот счастливый ребенок будет полностью перенимать принципы своих старших и время от времени приспособлять их в деталях своими собственными решениями, в соответствии со своими собственными обстоятельствами. Именно так в хорошо организованном обществе мораль остается стабильной и в то же время приспособляется к меняющимся обстоятельствам.

4.6.

Однако есть много способов, которыми это счастливое положение дел может ухудшиться. Давайте рассмотрим процесс, который, по-видимому, довольно часто происходит в истории; он произошел в Греции в пятом и четвертом веках и произошел в наше время. Предположим, что люди определенного поколения – я назову его первым поколением – имеют очень устоявшиеся принципы, унаследованные от своих отцов. Предположим, что они настолько укоренились, что стали второй натурой, так что, вообще говоря, люди действуют по принципам, не задумываясь, и их способность принимать обдуманные принципиальные решения атрофируется. Они всегда действуют по правилам и никому не причиняют вреда, потому что состояние мира в их время остается во многом таким же, как и то, для которого были продуманы принципы. Но их сыновья, второе поколение, по мере взросления обнаруживают, что условия изменились (например, в результате затяжной войны или промышленной революции), и что принципы, на которых они воспитывались, больше не являются адекватными. Поскольку в их образовании большое внимание уделяется соблюдению принципов, и очень мало – принятию решений, на которых в конечном счете основаны эти принципы, их мораль не имеет корней и становится совершенно нестабильной. Книги «Весь долг человека» (*The Whole Duty of Man*) больше не пишутся и не читаются. Часто, когда они делают то, что говорится в таких книгах, впоследствии они находят причину сожалеть о своих решениях; и таких случаев слишком много, чтобы сохранялась какая-либо уверенность в старых принципах как в основе. Несомненно, среди этих старых принципов есть некоторые очень общие принципы, которые останутся приемлемыми, если человеческая природа и состояние мира не претерпят самых фундаментальных изменений; но второе поколение, воспитанное не для того, чтобы принимать принципиальные решения, а для того, чтобы делать то, что говорится в книге, большинство из них не смогут принимать те важные решения, которые определили бы, какие принципы сохранить, какие изменить, а от каких отказаться. Некоторые люди, хорошие дети второго поколения, будут настолько погружены в старые принципы, что просто будут следовать им во что бы то ни стало; и в целом им повезет больше, чем другим, потому что лучше иметь некоторые принципы, даже если они иногда приводят к решениям, о которых мы сожалеем, чем быть морально брошенными на произвол судьбы. Большая часть второго поколения, а еще больше, возможно, третьего, не будет знать, какого из принципов придерживаться, а какой отвергать; и поэтому

все больше и больше их будет жить изо дня в день – что неплохо, потому что это тренирует их способность принимать решения, но при этом находиться в таком неприятном и опасном состоянии. Некоторые из них, мятежники, будут кричать с крыш домов, что некоторые или все старые моральные принципы бесполезны; некоторые из этих мятежников будут отстаивать свои собственные новые принципы; другим нечего будет предложить. Хотя они усиливают путаницу, эти мятежники выполняют полезную функцию, заставляя людей выбирать между своими конкурирующими принципами; и если они не только отстаивают новые принципы, но и искренне пытаются жить по ним, то они проводят моральный эксперимент, который может иметь величайшую ценность для человека (в этом случае они войдут в историю как великие учителя морали), или с другой стороны может оказаться катастрофическим как для них, так и для их учеников.

Может потребоваться несколько поколений, чтобы эта болезнь проявила себя. Мораль вновь обретает свою силу, когда обычные люди заново учатся решать для себя, по каким принципам жить, и особенно по каким принципам учить своих детей. Поскольку мир хотя и подвержен огромным материальным изменениям, меняется очень медленно в вопросах, которые являются фундаментальными с моральной точки зрения, принципы, которые завоевывают признание массы людей, вряд ли будут сильно отличаться от тех, которым при этом доверяли их отцы. Моральные принципы Аристотеля больше напоминают принципы Эсхила, чем отличаются от них, и мы сами, возможно, вернемся к чему-то узнаваемому, похожему на мораль наших дедов. Но произойдут некоторые изменения; некоторые принципы, отстаиваемые мятежниками, будут приняты. Вот как развивается мораль – или регрессирует. Этот процесс, как мы увидим, отражается в очень тонких изменениях в употреблении оценочных слов; невозможность перевода каталога добродетелей Аристотеля на современный английский может служить примером, а исчезновение без следа слова «праведный» может служить еще одним примером.

4.7.

Вопрос «Как мне воспитывать своих детей?», который мы упоминали, – это та логика, которой с древних времен мало кто из философов уделял много внимания. Нравственное воспитание ребенка оказывает на него влияние, которое в значительной степени останется незатронутым всем, что произойдет с ним впоследствии. Если у него было стабильное воспитание, будь то на хороших принципах или на плохих, ему будет чрезвычайно трудно отказаться от этих принципов в дальнейшей жизни – трудно, но не невозможно. Они будут иметь для него силу объективного морального закона; и его поведение, по-видимому, даст много доказательств в поддержку интуитивистских этических теорий, при условии, что оно не будет сравниваться с поведением тех, кто так же твердо придерживается совершенно других принципов. Но тем не менее, если наше образование не было настолько тщательным, чтобы превратить нас в автоматы, мы можем усомниться или даже отвергнуть эти принципы; именно это отличает людей, чьи моральные системы меняются, от муравьев, чья «моральная система» не меняется. Поэтому, даже если для меня на вопрос «Что мне делать в такой-то ситуации?» почти всегда без двусмысленности отвечает нравственная интуиция, которую дало мне мое воспитание, я могу, если спрошу себя «Как мне воспитывать своих детей?», сделать паузу, прежде чем дать ответ. Именно здесь возникают самые фундаментальные моральные решения из всех; и именно здесь, если только философы-моралисты

обратят на них внимание, можно найти наиболее характерные употребления моральных слов. Должен ли я воспитывать своих детей точно так же, как меня воспитывали, чтобы у них были те же представления о морали, что и у меня? Или обстоятельства изменились так, что моральный облик отца не обеспечит детей подходящим установками? Возможно, я попытаюсь воспитать их так же, как их отец, и потерплю неудачу; возможно, их новое окружение будет слишком сильным для меня, и они откажутся от моих принципов. Или, возможно, я был настолько сбит с толку странным новым миром, что хотя я все еще действую в силу привычки по принципам, которые я усвоил, я просто не знаю, какие принципы прививать своим детям, если конечно кто-то в моем положении вообще может прививать какие-либо устоявшиеся принципы. По всем этим вопросам я должен принять решение; только самый закостенелый отец будет пытаться воспитывать своих детей, не задумываясь, именно так как воспитывался он сам; и даже он, как правило, потерпит катастрофическую неудачу.

Многие темные места этики становятся яснее, когда мы рассматриваем эту дилемму, в которой могут оказаться родители. Мы уже заметили, что хотя принципы в конечном счете должны основываться на принципиальных решениях, решениям как таковым нельзя научить; можно научить только принципам. Именно бессилие родителя принять за своего сына те многие принципиальные решения, которые сын примет в ходе своей будущей карьеры, придает моральному языку его характерную форму. Единственным инструментом, которым обладает родитель, является нравственное воспитание – обучение принципам на примере и наставлениях, подкрепленное наказанием и другими более современными психологическими методами. Должен ли он использовать эти средства и в какой степени? У некоторых поколений родителей не было сомнений в этом вопросе. Они использовали их в полной мере, и в результате их дети стали хорошими интуитивистами, способными держаться за рельсы, но плохо управляемыми на поворотах. В другое время родители – и кто их будет винить? – страдают от недостатка уверенности; они недостаточно уверены в том, что думают сами, чтобы быть готовыми привить своим детям стабильный образ жизни. Дети такого поколения, скорее всего, вырастут оппортунистами, способными принимать индивидуальные решения, но без устоявшегося свода принципов, который является самым бесценным наследием, которое любое поколение может оставить своим преемникам. Ибо, хотя принципы в конечном счете строятся на принципиальных решениях, строительство – это работа многих поколений, и человека, которому приходится начинать с самого начала, следует пожалеть; вряд ли он, если только он не гений, сможет прийти ко многим важным выводам, так же как обычный мальчик, оказавшийся на необитаемом острове или даже в лаборатории без всяких инструкций, вряд ли сделает какое-либо из крупных научных открытий.

Дилемма между этими двумя крайними направлениями в образовании явно ложна. Почему это ложное утверждение, очевидно, если мы вспомним, что было сказано ранее о динамической связи между решениями и принципами. Это очень похоже на обучение вождению. Было бы глупо, обучая кого-то вождению, пытаться привить ему такие твердые и всеобъемлющие принципы, чтобы ему никогда не пришлось принимать самостоятельное решение. Было бы столь же глупо впасть в другую крайность и предоставить ему самому находить свой собственный способ вождения. Что мы делаем, если мы разумны, так это даем ему прочную основу принципов, но в то же время широкие возможности для принятия решений, на которых

основаны эти принципы, и с помощью которых они модифицируются, улучшаются, адаптируются к изменившимся обстоятельствам или даже отбрасываются, если они становятся совершенно непригодными для новой среды. Преподавать только принципы, не давая возможности подчинить их собственным принципиальным решениям учащегося, все равно что преподавать науку исключительно по учебникам, не заходя в лабораторию. С другой стороны, бросить своего ребенка или ученика-водителя на его собственное самовыражение – это все равно, что поместить мальчика в лабораторию и сказать: «Продолжай». Мальчик может наслаждаться жизнью или покончить с собой, но вероятно не будет изучать много науки.

Слова морали, из которых мы можем взять в качестве примера слово «должен», отражают в своем логическом поведении эту двойственную природу морального наставления – и это вполне возможно, поскольку именно в моральном наставлении они чаще всего используются. Предложения, в которых они появляются, обычно являются выражением принципиальных решений – и в нашем обсуждении предмета легко отделить решения от принципов. В этом источник противоречий между «объективистами», как иногда называют себя интуитивисты, и «субъективистами», как они часто называют своих оппонентов. В первом случае акцент делается на неизменных принципах, которые передаются отцом, во втором – на новых решениях, которые должен принимать сын. Объективист говорит: «Конечно, вы знаете, что вам следует делать; посмотрите, что говорит вам ваша совесть, и если вы сомневаетесь, руководствуйтесь совестью подавляющего большинства людей». Он может сказать это, потому что наша совесть является продуктом принципов, которые наше раннее обучение неизгладимо заложило в нас, и в одном обществе эти принципы не сильно отличаются от одного человека к другому. Субъективист, с другой стороны, говорит: «Но, конечно, когда дело доходит до сути – когда я прислушиваюсь к тому, что говорят другие люди, и придаю должное значение своим собственным интуициям, наследию моего воспитания – я в конце концов должен решить для себя, что я должен делать. Отрицать это – значит быть конвенционалистом; как общие моральные понятия, так и мои собственные интуиции являются наследием традиций, и помимо того факта, что в мире существует так много разных традиций, традиции не могут быть начаты без того, чтобы кто-то не сделал то, что я сейчас чувствую призванным сделать, решить. Если я откажусь принимать свои собственные решения, я просто копирую своих отцов, покажу себя меньшим человеком, чем они; ибо хотя они должны были инициировать, я буду просто принимать». Эта просьба субъективиста вполне оправдана. Это мольба подростка, который хочет быть взрослым. Чтобы стать морально взрослым, нужно примирить эти две явно конфликтующие позиции, научившись принимать принципиальные решения; это значит научиться использовать утверждения «должен», осознавая, что они могут быть проверены только путем ссылки на стандарт или набор принципов, которые мы приняли по собственному решению и сделали своими собственными. Это то, что наше нынешнее поколение так мучительно пытается сделать.

Для цитирования и библиографии: Хэар Р. Язык морали. Глава 1. Повелительное наклонение. Часть 4. Решения на основе принципа (перевод с английского – А.Б. Дидикин) // Право и государство. 2022. № 2(95). – С. 17-30. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_17

Материал поступил в редакцию 11.01.2022.